

Лже-фестиваль бильярда 1990 года – авансовая почетная грамота новому Председателю ФБС СССР?

С.Тихонов
Февраль, 2024

Восьмидесятые и девяностые годы прошлого века недаром считаются переломным периодом в истории России – ведь именно в это время в стране происходили коренные изменения, затронувшие все сферы деятельности государства и жизни граждан. И вполне естественно, эти кардинальные преобразования не могли обойти стороной наш отечественный бильярд. Однако, до сих пор в открытых источниках так и не было представлено полной и правдивой информации о произошедшем. В исторических обзорах, включаемых в книги и некоторые статьи по бильярдной тематике, авторы обычно затрагивают период становления бильярда от царя Гороха до октябрьского переворота 1917 года. Ну а последующие годы практически везде остаются погруженными в туман неизвестности и недосказанности. Конечно же, в литературе имеются немногочисленные исключения, но и к этим источникам информации остается множество претензий. Тут и кастрированность, и односторонность, и неполное владение материалом, а порой – просто недостоверность. Ну, как тут не быть неудовлетворенным? Из всего немалого объема перелопаченной мной русскоязычной литературы могу выделить лишь четыре работы, в которых представлены обзоры истории становления бильярда в СССР с довоенных времен до распада социалистического государства. Приведу их названия в хронологическом порядке: посвященная бильярду глава в книге [«Энциклопедия азартных игр»](#) (2001); книга И.В.Балина [«В мире бильярда»](#) (2004); статья В.Д.Кадышева [«Бильярд на рубеже веков – история и проблемы»](#) (2007); книга Д.М.Матвеева [«Мой любимый бильярд»](#) (2012). Справедливости ради скажу, что исторический обзор в последней из указанных книг во многом основывается на сведениях из книги 2000 года Д.М.Матвеева и Н.А.Сараева «Бильярд: игра, спорт, искусство». Но в этом и нет ничего удивительного – с согласия Сараева Матвеев имел полное право включить в свою новую работу часть материала из их совместного ранее опубликованного труда.

Полагаю, что приведенных выше слов вполне достаточно для предисловия к тому, о чем я собрался здесь написать: мне хочется подробно «разобрать» одну из важных вех истории советского бильярда – так называемый «фестиваль бильярда», состоявшийся в октябре 1990 года. Но, чтобы подойти «вооруженным» к этому событию, нужно начать не с 1990-го, а с предшествующего ему года. Именно тогда бильярд был официально признан в качестве вида спорта в СССР: 29 сентября 1989 года Постановлением Госкомспорта СССР № 6/5 «О развитии в СССР бильярдного спорта» была учреждена Федерация бильярдного спорта СССР (ФБС), а 30 ноября состоялась учредительная конференция, на которой была фактически образована

новая самостоятельная общественная хозрасчетная организация – ФБС, Председателем которой избрали В.И.Воробьева. К этому моменту Воробьев уже успел «покорить» значимые высоты в иерархии органов управления отечественным бильярдом – он занимал посты председателя федерации бильярда Москвы и президента Всесоюзной ассоциации бильярдного спорта (ВАБС). И вот новый вызов, новая высота ... пост председателя впервые созданной спортивной федерации страны – [не фунт изюму](#), должность эта – знаковая, сулящая большие возможности, в частности – финансовые. Не сомневаюсь в том, что занять этот пост хотел не только Воробьев (что и подтвердили дальнейшие события). К сожалению, до нас дошли чрезвычайно скудные сведения о том, как на самом деле проходила конференция по учреждению ФБС. Осталось неизвестным, как проводились выборы – на альтернативной ли основе или нет? Да и результаты голосования почему-то так и не предали всеобщей огласке (сам Воробьев, в частности, в одном из интервью сообщил, что [победил большинством голосов](#)). Если судить по вышедшим в свет бильярдным книгам, то [«все так – чинно, благородно»](#): поговорили, приняли устав, избрали председателя, ну и для солидности дали ему в помощь двух чело-

век в ранге почетных председателей – народную артистку СССР Э.А.Быстрицкую и летчика-космонавта В.А.Ляхова. В большинстве же печатных изданий об этом – молчок, и лишь в двух выпусках газеты «Советский спорт» ([№275 от 1 декабря 1989 года](#) и [№3 от 5 января 1990 года](#)) мне удалось найти слова, свидетельствующие об отнюдь не мирной работе делегатов на конференции. Косвенно это подтверждает и то, что прозаседались они более девяти часов! После прочтения напечатанного и осмысления межстрочной информации полагаю, что формально споры велись вокруг основной темы – достоин ли отечественный бильярд официального государственного признания в качестве вида спорта? Вообще-то может показаться странным то, что подобные разборки проходили на учредительном собрании, итоги которого были предрешены, и Госкомспорт страны уже дал на то зеленый свет. Но на самом деле, повышенная эмоциональность была одним из проявлений борьбы за власть между сторонниками Воробьева и оппозиционной «командой» бывшего вело-

гонщика А.Е.Старкова, входившего в то время в руководство Союза профессиональных бильярдистов (СПБ) СССР, образованного в 1989 году усилиями общественной благотворительной [Ассоциации «XXI век»](#) и получившего, благодаря этому, выход на международную арену. Кстати, президентом СПБ в то время являлся А.Кикалишвили, одновременно занимавший и кресло президента названной ассоциации, делами спорта в которой ведал небезызвестный [О.Квантришвили](#) – соучредитель и вице-президент. Для тех, «кто – не в танке»,

должно быть ясно как день, что смычка СПБ и Ассоциации «XXI век» не только не сулила «группировке» Воробьева спокойного и безмятежного существования, но и предрекала скорое бесславное расставание с открывающейся финансовой кормушкой. Так оно и случилось ...

После завершения учредительной конференции противоборствующие стороны – новоиспеченная ФБС и уже успевший накачать мускулы СПБ – начали непримиримую борьбу за единовластие. Для достижения цели, сформулированной при учреждении – развитие и популяризация отечественного бильярда, руководство ФБС поставило две первоочередные задачи: масштабное производство качественных бильярдных столов и создание по всей стране сети спортивных бильярдных клубов. Разумеется, решить их в одиночку было не под силу только что образованной федерации, не успевшей финансово (и не только) прочно встать на ноги. Понятно и то, что быстро добиться результата можно было, лишь опершись на накопленный опыт, мощную производственную базу и налаженные межхозяйственные связи современного зарубежного бильярдного производства, исправно функционирующего как часы. Ну, и естественно, никак нельзя было обойтись без внушительного начального капитала, способного обеспечить раскрутку такого грандиозного производственно-спортивно-финансово-организационного проекта. Поэтому, ФБС устремила свой взор за кордон и решила прежде всего забраться «под крыло» Всемирного союза бильярдистов (Union Mondiale de Billard; сокращенно – UMB). Получив предварительное согласие, в начале февраля 1990 года делегация ФБС СССР прибыла в ФРГ на конгресс UMB, где и была принята двенадцатым членом в состав этой международной организации. На тот момент UMB включала в себя, в основном, федерации континентальных европейских стран, а остальной мир представляли лишь Египет, Япония и Аргентина. Иными словами, Всемирный союз не мог похвастаться членством таких значимых в бильярде стран, как Италия, Англия и США, хотя представители их федераций держали нос по ветру и не обходили стороной все, что связано с UMB, особенно – [«тусовочные»](#) форумы. В ходе конгресса Воробьев и Быстрицкая, представлявшие ФБС, не тратили время попусту и предметно пообщались с целым рядом бильярдных функционеров и бизнесменов. В результате, интерес к совместной спортивной и коммерческой деятельности [проявили](#) англичане, голландцы, японцы, датчане, немцы. С целью быстрого и эффективного обращения слов в дела, с ними были достигнуты договоренности о приезде на всесоюзные соревнования в СССР предстоящей весной (соответственно, такие соревнования уже планировались – пусть и ментально). Важным результатом вступления ФБС в UMB стала и обретенная личная поддержка президента Всемирного союза Андре Ганье (Andre Gagnaux), [заверившего](#), что многие национальные федерации готовы оказать существенную помощь ФБС уже в ближайшие месяцы, вплоть до проведения в СССР представительных международных турниров с участием мастеров с мировым именем. И наконец, важнейшим для дальнейшего развития ситуации итогом конгресса стало то, что теперь эксклюзивное право представлять советский бильярдный спорт во всех международных соревнованиях как в стране, так и за рубежом, получила именно ФБС – так регламентировал устав Всемирного союза, в котором

прямо указывалось, что отдельную страну может представлять лишь единственная организация. Более того, аналогичная норма была зафиксирована и в уставе входящей в УМВ Европейской конфедерации бильярда (Confederation Europeenne de Billard; сокращенно – СЕВ), в состав которой в ближайшем будущем планировала вступить ФБС.

Действия ФБС, направленные на сосредоточение власти в одних руках и на подминание коммерческого рынка под себя, никак не могли попасть «в масть» СПБ, имевшему свои собственные финансовые интересы, основательно подкрепленные отечественными и зарубежными бильярдными (и не только) связями. Помимо этого, в ближайшие планы СПБ входило получение статуса, наделяющего правом проникать без проволочек сквозь железный занавес в обоих направлениях. Тот, кто жил в Советском Союзе, без дополнительных разъяснений сразу поймет, что такие возможности сулили не только коммерческий навар от основной деятельности, но и массу иных ништяков. К этому времени СПБ уже успел засветиться в контактах с СЕВ – и не просто обозначиться, а позиционировать себя официальной структурой, выступающей от лица бильярдного руководства страны: [по свидетельству](#) первого заместителя председателя ФБС Л.Фоменко, председателя контрольно-ревизионной комиссии ФБС А.Шефова и бильярдиста М.Журавицкого, СПБ присвоил себе право представлять весь отечественный бильярд в Европейской конфедерации. Руководство СПБ встречалось и с президентом УМВ, у которого, справедливости ради, сформировалась настороженная позиция – в [интервью журналисту А.Елисейкину](#) президент высказался так: *«После нашего разговора мне показалось, что этих людей больше заботит бизнес посредством бильярда, нежели его развитие»*. Ну и что же теперь – после вступления ФБС в УМВ – предстояло делать Союзу профессиональных бильярдистов? Нужно было остановиться на одном из возможных вариантов: 1 – как-то полюбовно договориться с ФБС и разделить сферы влияния; 2 – забраться «под крыло» ФБС; 3 – продолжать гнуть свою линию и раскручивать маховик конфликта с еще большей силой. И выбрана была ... последняя опция. Хотя, вполне возможно, никто даже и не заморачивался с рассмотрением альтернатив, и уже давным-давно было решено действовать только по заранее разработанному плану. А следующим «актом Марлезонского балета» в этом плане был международный турнир в Советском Союзе. Местом его проведения неспроста был выбран московский УСЗ ЦСКА, ведь в расположенном рядом легкоатлетическо-футбольном комплексе ЦСКА располагался бильярдный клуб, по сути служивший штаб-квартирой СПБ. Здесь было очень удобно неформально развлекать иностранных гостей и приватно решать с ними вопросы, предвещавшие тот или иной профит. В качестве приглашенных иностранцев выступали итальянцы – ведь именно на бизнесменов из Италии Мариано Маджио (Mariano Maggio) и Эрколе Минелли (Ercole Minelli) удалось успешно выйти с помощью Ассоциации «XXI век». Турнир был назначен на 20-22 апреля, и уже с этапа подготовки к нему начали проявляться различные несуразности и странности. Так, согласно предварительной договоренности, итальянцы собирались привезти команду из пяти игроков, и незадолго до начала турнира от них поступило [официальное подтверждение](#). В число этих бильярдистов

входили звезды экстра-класса Доменико Аканфора (Domenico Acanfora), Марчелло Лотти (Marcello Lotti) и Густаво Торреджани (Gustavo Torregiani; между прочим – аргентинец, а не итальянец!). Но фактически в Москве затем оказались лишь четверо игроков – выше названный аргентинец и еще один из первоначального списка – Джузеппе Балъиви (Giuseppe Baglivi). Двое других бильярдистов были привезены, скорее, для комплектности состава. Специализацией Джузеппе Тальявиа (Giuseppe Tagliavia) был карамболь, и на турнире он был прилюдно представлен как чемпион Италии по этой разновидности бильярда. Но самым загадочным игроком был некто Серджио Чиролло (Sergio Cirollo),

которого [представили зрителям](#) в качестве президента итальянской федерации бильярдного спорта (?!). Настоящим же президентом являлся Риналдо Россетти (Rinaldo Rossetti), а тут вдруг его законное «кресло» в мгновение ока передали другому человеку, который, к тому же, был не функционером, а действующим и не самым искусным игроком. Чудеса, да и только! Приезд лишь четырех играющих иностранцев поставил перед нашей командой неожиданную проблему, которую нужно было оперативно решить – предстояло «отстегнуть» одного из пяти игроков, ранее включенных в обойму для участия в турнире. Понятно, что принять такое решение было непросто, и без внутреннего конфликта, скорее всего,

дело бы не обошлось; во всяком случае, обида у кого-то обязательно бы осталась. Поэтому было найден нетривиальный выход: вместо сокращения состава было решено расширить его до шести человек, чтобы они прямо на турнире во встречах между собой определили четверых сильнейших советских игроков, которым придется сойтись за столом с иностранцами.

В итоге, в состав нашей команды вошли Ашот Потикян, Владимир Симонич, Владимир Левитин, Михаил Аншелиевич, Рифат Садриев и Георгий Митасов. Противостоять им предстояло наспех собранному итало-аргентинскому коллективу

(который можно было бы называть командой MVM Biliardi – аналогично фирме М.Маджио, производившей бильярдные столы и оборудование) в игре «Пять кеглей» – именно так переводится итальянское аутентичное название «5 Birilli» (правда, на самом турнире зрителям настойчиво вещали, что на арене происходит состязание в «Фишки»). Такая игра, если и была известна нашим спортсменам, то только понаслышке. Конечно, некоторый опыт в [бильярде с кеглями](#) у них имелся, но здесь нужно было играть на непривычном карамбольном столе (без луз, меньшего размера, с иной бортовой резиной и сукном) непривычными шарами. Да и правила существенно отличались – в частности, в советских кегельных играх использовались биток и два прицельных шара, а в итальянских «Пяти кеглях» третий шар был контрольным, то есть – неприкасаемым. В общем, заранее было очевидно, что зарубежным мастерам не составит особого труда взять верх над советскими бильярдистами. Иными словами, турнир априори не имел спортивного соревновательного смысла.

Слева направо: Рифат Садриев, Владимир Симонич, Джузеппе Бальиви, Джузеппе Тальявиа, Михаил Аншелевич, Густаво Торреджани, Владимир Левитин, Серджо Чиролло, Отари Квантришвили, Ашот Потиян, Анзор Кикалишвили, Георгий Митасов, Мариано Маджио, Анатолий Старков.

Еще одна заморочка случилась за две недели до начала турнира, когда СПБ все же официально оповестил ФБС о готовящемся мероприятии. Конечно же, по своим каналам в ФБС и до этого знали о приготовлениях СПБ, но одно дело – иметь закулисную информацию из третьих рук, а совсем другое – официальное обращение. Но в том-то и дело, что СПБ обратился к ФБС не вследствие желания наконец-то наладить взаимоотношения и снять взрывоопасную напряженность, а исключительно из-за шкурных интересов. Дело было в том, что команда MVM Biliardi не согласовала с федерацией бильярдного спорта Италии свое участие в зарубежном турнире и, соответственно, не получила на это официального разрешения. А само-

вольное выступление грозило итальянским игрокам потенциальной дисквалификацией, тем более, что участвовать предполагалось в международном турнире, проводившимся без согласия федерации бильярда принимающей стороны (являвшейся по нормам УМВ единственной организацией, имевшей на это право). Кстати, видимо именно это и стало причиной того, что ряд итальянских игроков, первоначально давших согласие на поездку в СССР, в спешном порядке пошли на попятную. Видимо, советским и зарубежным организаторам турнира логика подсказывала, что итальянская федерация обязательно потребует подтверждения проведения турнира под эгидой ФБС СССР и свое добро без этого не даст. А для такого подтверждения необходимо было обращаться в ФБС, которая в этом случае получала на руки крупные козыри: в состоянии конфронтации она могла затребовать от СПБ серьезных уступок либо вообще заблокировать проведение готовящегося турнира. Поэтому было принято хитро-мудрое решение с эдаким подвывертом: не идти с поклоном в итальянскую федерацию, протянуть время и уже практически «на флажке» предложить ФБС присоединиться к учредителям турнира. В том, что от ФБС не последует отказа, сомнений практически не было – ведь все можно было обставить как первый крупный шаг к вступлению ПСБ коллективным членом в ФБС, в чем федерация была крайне заинтересована и уже [сама выходила с такой инициативой](#). И действительно, в результате переговоров было заключено джентльменское соглашение, по которому ФБС включалась в число организаторов турнира. ПСБ это помогало решить две проблемы. Во-первых, вывеска бильярдной федерации страны-организатора хоть как-то страховала итальянских игроков от санкций их национальной федерации. А во-вторых (и, скорее всего, это было определяющим мотивом), участие ФБС защищало наших бильярдистов от дисквалификации УМВ, так как, согласно регламентирующим документам Всемирного союза, играть на международном турнире без разрешения своей федерации им не разрешалось.

Приняв устное соглашение ФБС с ПСБ за «братание», В.Воробьев от имени Госкомспорта СССР и федерации бильярда пригласил президента УМВ посетить нашу страну в дни проведения турнира. Видимо, председателю ФБС хотелось прямо на турнире красочно продемонстрировать важному зарубежному гостю успехи становления советского спортивного бильярда и фактическое окончание распрей между федерацией и союзом бильярдистов. Однако, уже до начала визита «песочные замки единения» стали рушиться. Вопреки предварительным устным договоренностям, федерация вообще не была вовлечена в подготовку и проведение соревнования – ни в финансовом, ни в организационном плане. Естественно, ПСБ сделал еще и все возможное, чтобы максимально изолировать итальянских бизнесменов от представителей ФБС. Ну и, наконец, упоминания о федерации, как об одном из учредителей турнира, так и не появились в газетах, не прозвучали по радио и телевидению. В общем – полный пердимонкль, который не мог не взбесить руководство ФБС, а заодно и приехавшего в страну президента УМВ. В итоге, Ганьё и Воробьев не считали нужным, да и возможным, «осчастливить» реальных организаторов турнира своим присутствием на нем. Нежелание посетить турнир Ганьё впоследствии [объяснил](#) тем, что участие итальянских игроков все же не было согласовано с

национальной федерацией, а подобного своеволия Всемирный союз не прощает, заботясь прежде всего о единой политике всех национальных федераций, входящих в его структуру. Досталось на орехи от президента и руководству ФБС – ему было сделано первое и последнее устное предупреждение в связи с тем, что наша федерация не поставила официально УМВ в известность о готовящемся турнире. Действительно, такой грешок за федерацией имелся – видимо, формальность не была соблюдена потому, что в руководстве ФБС посчитали, что личное оповещение президента одновременно с его приглашением в СССР вполне может сойти за информирование УМВ. Оказалось, что это – не так, и за подобные прегрешения можно нарваться на штрафные санкции, а то и вообще вылететь из всемирного союза, едва в нем оказавшись. Со своей стороны, ФБС тоже не испытывала положительных эмоций от проходящего турнира. Формально являясь учредителем, федерация уже не могла чинить козни СПБ по полной программе. Так уж получилось, что в короткий промежуток относительного безвластия в стране ФБС и поддерживающий ее Госкомспорт не могли просто перетереть в пыль этот самый союз бильярдистов. Поэтому Воробьев «умылся», перетерпел и принялся заново затачивать клинки для будущих сражений. Если бы он вовремя почувствовал, что механизм отторжения его от власти уже запущен, то, может быть, смог бы затормозить этот процесс, а то и вернуть его вспять.

Ну, а что же происходило на турнире? Кто вышел победителем-то? Ответов на эти вопросы у меня нет, ведь в прессе и в бильярдных книгах об этом ничего напечатано не было. При этом вполне ясно, что советским игрокам успехов ждать не приходилось ни при каких раскладах. С другой стороны, если бы было чем гордиться или похвалиться, то в газетных сообщениях об итогах соревнований обязательно появилась бы хоть строчка, а так – полная «тишина». И все же, проявив изрядную дотошность, я кое-что отыскал в статье, вышедшей через четыре месяца после

окончания турнира ([«Советский спорт», №195, 24 августа 1990 года](#)) – в ней приводятся слова М.Маджио о том, что в апреле В.Симонич смог обыграть чемпиона Италии Д.Бальиви. Кстати, в архивах фирмы MBM Biliardi сохранился небольшой [кусочек видео](#) (см. в записи, начиная с отсчета времени 47:34), в котором запечатлены некоторые моменты этой встречи. К тому же, сохранилось и [иные съемки](#) обсуждаемого турнира. Для полноты картины добавлю еще кусочек информации, вообще оставленный до сих пор без внимания. В первом из упомянутых выше видео диктор объявляет на весь зал, что во второй день турнира *«начинаем мы с игры «Фишки»*». Как понимать эти слова? Если начинают с «Фишек», то чем будут продолжать? Вообще-то, на двух столах, произведенных фирмой М.Маджио и привезенных из Италии, можно было играть не только в «Пять кеглей», но и в любую из многих разновидностей Карамболя. Поэтому мне представляется вполне правдоподобным, что на турнире игра Карамболь все же как-то была представлена. И наконец, чтобы закончить с этим турниром, выскажу одно соображение о мотивации итальянских игроков приехать в Москву. Полагаю, что эти мастера бильярда были призваны в команду не по объявлению и не по повестке. Ясно, что они неплохо знали М.Маджио и даже, может быть, уже чем-то были ему обязаны. Но все же, чтобы завлечь игроков в далекую социалистическую страну, нужно было предложить им очень вкусные коврижки. Просто не верится в то, что итальянцы поехали за рубеж лишь за тем, чтобы получить в награду матрешку, медалку на шею, почетную грамоту и между делом насладиться красотами советской столицы.

По окончании апрельского турнира Союз бильярдистов стал активно продвигаться к ранее намеченной цели – смещению В.Воробьева с поста председателя ФБС и замене его своим выдвиженцем А.Старковым. И хотя на дворе уже стояли лихие девяностые, прославившиеся силовым решением проблем, было выбран путь ряженого в демократические одежды переворота изнутри. Для этого нужно было последовательно и успешно сделать три шага: 1 – любыми способами получить от Госкомспорта разрешение на проведение внеочередной конференции; 2 – на конференции добиться постановления на голосование вопроса о перевыборах председателя ФБС; 3 – большинством голосов избрать нового председателя. На каждом из этих шагов действующая бильярдная власть вполне могла развернуть все вспять, тем самым не позволив оппозиции реализовать намеченное. Однако, задуманная пертурбация с некоторым скрипом, но все же удалась и вскоре стала явью. Сначала была организована кампания по дискредитации В.Воробьева, на волне которой началось срочное и масштабное привлечение под свои знамена тех, кого можно было использовать для организации перевыборов. Естественно, не было насущной необходимости агитировать и завлекать пряниками всех и вся – в первую очередь важно было охватить тех, кто на своих местах принимал решения или мог влиять на их принятие. В результате, за короткий срок были накоплены достаточные силы: сторонники оппозиции имелись во Всесоюзном совете ДСО профсоюзов, в руководстве бильярдных федераций РСФСР, Узбекистана, Украины, Казахстана, Грузии, Азербайджана, Латвии, Эстонии, Молдавии, в городской федерации Ленинграда, спортивном комитете министерства обороны СССР. Засланные казачки окопались

даже в Госкомспорте СССР и в аппарате самой ФБС. Решение действовать, выйдя на финишную прямую, было принято в июне 1990 года: датированное 29-м числом письмо, подписанное 18 членами президиума ФБС СССР и выражавшее недоверие действующему председателю ФБС В.Воробьеву, было представлено в Госкомспорт СССР на имя его председателя Н.И.Русака. Сначала это письмо попало на рассмотрение к заместителю начальника Управления прикладных видов спорта И.А.Калимулину, но он, видимо, в силу недостаточной погруженности в проблемы современного отечественного бильярда и ввиду взрывоопасности конфликта, не стал принимать непростого решения, а передал письмо выше – заместителю председателя А.И.Колесову. Уверен, что в иные времена (до и после обсуждаемого периода) оппозиции не удалось бы так быстро и довольно просто воплотить в жизнь свои замыслы по смене бильярдного руководства страны. Но в те годы трудовые коллективы просто повально пользовались возможностью проведения выборов своего руководителя, а не назначения его «дядей» сверху – такие права им давал [Закон о государственном предприятии \(объединении\)](#) № 7284-ХІ от 30 июня 1987 г. И поэтому опытному работнику аппарата А.И.Колесову не оставалось ничего иного, как принять промежуточное решение – и нашим и вашим: он дал добро на проведение чрезвычайной конференции ФБС. Однако, намеченная во Владикавказе на 21 июля конференция не состоялась, так как кворума собрать не удалось, ведь приехали лишь 32 официальных представителя, чего оказалось недостаточно. Поэтому, вместо конференции было проведено всесоюзное совещание, на котором утверждалось, что за время существования ФБС никаких сдвигов в развитии отечественного бильярда не произошло, не были решены вопросы взаимодействия всесоюзной и республиканских, городских федераций, финансирования и материально-технического обеспечения бильярдных центров, находящихся под эгидой ФБС. Особо было отмечено, что постоянные конфликты и трения в руководстве федерации, некомпетентность председателя ставят под сомнение реальность развития у нас бильярдного спорта, что и заставило всех участников совещания высказать нынешнему председателю ФБС В.Воробьеву недоверие. И как итог: было единодушно принято решение, основанное на пункте 11 Устава ФБС, о созыве всесоюзной отчетно-выборной конференции в первой половине августа 1990 года.

Обращаясь к тому, что было сказано выше, для начала хочется спросить – а каково мерило «некомпетентности» Воробьева? С чьей компетентностью-то нужно сравнивать? Ну, наверно было бы справедливо сопоставить Воробьева со Старковым, который и стоял в очереди на занятие поста председателя ФБС. И вот такое сравнение, даже поверхностное, идет вовсе не в копилку оппозиции. Судите сами: Воробьев возглавлял ФБС уже более полугода и за это время накопил определенный опыт; еще дольше он проработал председателем московской федерации бильярда; наконец, еще ранее он руководил известной бильярдной в саду имени Н.Баумана. И что же – человек, прошедший такую школу бильярдного администрирования, некомпетентен? Утверждающим это, стоит призадуматься и сравнить такую «некомпетентность» с особенной компетентностью Старкова, которую тот за короткий срок обрел в руководстве союза профессиональный бильярдистов, а до этого не

имел к бильярду никакого отношения, будучи велогонщиком. Да, он был хорошим велосипедистом: ведь звание заслуженного мастера спорта в советской стране за здорово живешь получить было просто невозможно. Но велосипедист же, как ни крути – не бильярдист!

Помимо непонятки с компетенциями, есть еще один вопрос – может быть, даже более важный: а к чему нужна такая спешка с проведением пертурбационной конференции? Зачем было нужно именно так торопиться, назначая даты проведения конференции сначала на июль, а затем уже именно на *первую* половину августа 1990 года? В статье [«Пятый угол конфликта»](#) («Советский спорт» № 188 от 16 августа 1990 года) председатель контрольно-ревизионной комиссии ФБС А.Шефов делится по этому поводу своим мнением. Он считает, что корень торопливости кроется в желании УМВ объединить профессиональный и любительский бильярд с тем, чтобы добиться признания его Международным олимпийским комитетом. При чем же здесь В.Воробьев? А при том, что президент УМВ предложил включить от Европы в оргкомитет по подготовке объединения президента СЕВ Вольфганга Риттманна (Wolfgang Rittmann) и председателя ФБС В.Воробьева. Проведение первого совещания этого комитета планировалось на конец августа, и, по мнению А.Шефова, оппозиция хотела воспротивиться тому, чтобы нашу федерацию представлял именно Воробьев. На мой взгляд, это – довольно странная и неубедительная версия. Ну, принял бы Воробьев участие в работе оргкомитета, и что из этого? Труднее было бы его потом скovyрнуть с должности председателя ФБС? Ничего подобного. Или вместо Воробьева оппозиция сама хотела засветиться при объединении мирового профессионального и любительского бильярда? Зачем? В общем – какое-то туманное объяснение. Мне представляются гораздо более убедительными совсем иные причины. Может быть, в тот момент это и не афишировали, но теперь-то всем известно, что на начало октября 1990 года СПб планировал очередное международное бильярдное действо – турниры по Кэнону, Снукеру и Русской Пирамиде в одном флаконе. И после фортелей, выкинутых СПб на апрельском турнире, предстоящую международную тусовку ожидал вовсе не дружелюбный прием со стороны советской федерации. Ожидать тут можно было чего угодно – вплоть до бильярдной анафемы. Ясно, что такая нелегкая судьбина вовсе не улыбалась СПб, и именно поэтому делалось все, чтобы до приезда иностранцев сместить В.Воробьева и провести турниры под эгидой ФБС, возглавляемой уже своим ставленником.

Не знаю – по каким конкретно причинам, но вся кутерьма со спешкой так и не привела к проведению конференции в первой половине августа. Не состоялась она и во второй половине, а затем минула и почти половина сентября... Понятно, что причины тому были – ну, не могли же чиновники федерации просто дожидаться, когда придет «добрый дядя и попросит» их председателя освободить кресло. Ясно, что в этот период проходили нешуточные подковырные баталии. Сама же федерация при этом продолжала плановую деятельность – в столичном дворце спорта «Крылья советов» был проведен первый коммерческий турнир по Московской Пирамиде с гандикапом; по приглашению ФБС и Госкомспорта Советский союз посетила внушительная делегация представителей федерации бильярда Италии (во главе с

ее президентом Р.Россетти), владельцев крупных фирм-производителей бильярдного инвентаря, известных игроков; были достигнуты договоренности о создании совместных предприятий по выпуску оборудования для бильярда, о предстоящей в октябре стажировке в Италии трех лучших советских игроков для дальнейшего участия в чемпионате мира; к стадии серийного выпуска качественных столов был подведен завод в Минске. Но, как вскоре оказалось, эта и предшествующая деятельность ФБС, а также и ее практические результаты вообще не интересовали оппозицию. 14 сентября в Москве все-таки была проведена долгожданная для СПБ конференция, на которой решался один единственный вопрос – выборы нового председателя. Остальное оппозиционеров не волновало, им не нужен был отчет В.Воробьева, не собирались они обсуждать и результаты деятельности ФБС за прошедший период. Короче говоря, оппозиция лишь прикрывалась высокопарными словами о необходимости развития отечественного спортивного бильярда, а на самом деле ей на этом этапе нужно было лишь заполучить власть. Для широкого круга любителей спорта [результаты чрезвычайной конференции](#) были донесены 18 сентября в малюсенькой заметке, размещенной в разделе «Все новости, достойные внимания» газеты «Советский спорт» №216. Читателям сообщили, что большинством голосов был избран новый председатель ФБС, и им стал А.Старков. Помимо этого, в скромный по объему текст вошла информация о том, что федерация сразу же принялась за дело и с 5 по 9 октября проведет в УСЗ ЦСКА чемпионат мира по профессиональному бильярду. Сухо и неинформативно, да?! В частности, по поводу избрания хотелось бы знать: были ли иные кандидатуры, или игра шла в одни ворота? Да и конкретные результаты голосования на чрезвычайной конференции неплохо было бы привести. Ну, а по поводу чемпионата мира – вообще ребус. Какой-такой чемпионат мира в Москве, да еще ни с того ни с сего? Что за *профессиональный* бильярд имеется в виду? В общем, представление сведений в «Советском спорте» оставляло желать много лучшего.

Туман вокруг проанонсированного чемпионата мира начал частично рассеиваться уже через несколько дней. [23](#) и [29](#) сентября в газете «Советский спорт», а также [24](#) сентября в газете «Вечерняя Москва» были напечатаны однотипные объявления, рекламирующие предстоящее бильярдное действо. В них сообщалось, что в период с 5 по 9 октября 1990 года в московском Универсальном спортивном зале ЦСКА силами Госкомспорта СССР, ФБС СССР, Всемирной ассоциации профессионального бильярда и Снукера (World Professional Billiards and Snooker Association; сокра-

ценно – WPBSA) и Союза бильярдистов СССР будут проведены сразу три международных турнира: 1 – чемпионат мира по профессиональному бильярду; 2 – открытый чемпионат мира по Снукеру; 3 – матч СССР – Великобритания по Русской Пирамиде. Что же мог подумать читатель, увидев такое объявление? Я бы точно насторожился и заподозрил здесь профанацию – ну, как же можно всего-то за четыре дня (пять заявленных за вычетом первого неигрового дня открытия) провести два чемпионата мира, да еще и международный матч? Я бы подумал, что здесь что-то напутали или сознательно вводят в заблуждение. Кстати, современный любитель бильярда обязательно еще бы обратил внимание и на то, что в качестве организатора турниров значится WPBSA, а это – действительно профессионально и, скорее всего, будет интересно.

В упомянутых выше книгах «[Энциклопедия азартных игр](#)», «[В мире бильярда](#)» и статье «[Бильярд на рубеже веков – история и проблемы](#)» совмещенные октябрьские турниры 1990 года были преподнесены читателям как фестиваль профессионального бильярда. Полагаю, сейчас будет очень трудно достоверно выяснить, кто же на самом деле впервые ввел в оборот словосочетание «фестиваль бильярдного спорта»; вполне возможно, это сделал журналист (а заодно и телекомментатор) А.Елисейкин в своей заметке «Вокруг белого шара», напечатанной в газете «[Советский спорт](#)» № 122 от 30 мая 1989 года. Но, как бы то ни было, броское и яркое название чего-либо далеко не всегда соответствует его реальному содержанию. По моему мнению, так и произошло в данном случае. Ведь, в самом деле – фестивалем называют массовое празднество, показ и смотр лучших достижений, а турниры октября 1990 года никак на это не тянули. Чтобы подтвердить сказанное, предлагаю для начала взглянуть на трибуны УСЗ ЦСКА во время турнира и при награждении победителей (см. фотографии ниже) – зияющие пустоты вполне подчеркивают «массовость» и «празднество» действия. Ну, а свою правоту по поводу «показа и смотра лучших бильярдных достижений» постараюсь обосновать в следующих абзацах.

Завеса недосказанности и, как выяснилось, запредельного косноязычия несколько приоткрылась после выхода в свет 3 октября публикации «[Бильярдный шар прикатил в Москву](#)» («Советский спорт» № 229). В ней сообщалось, что в УСЗ ЦСКА пройдут решающие встречи (полуфиналы и финал) сильнейших профессиональных бильярдистов мира по Кэнону (Английскому бильярду). Иными словами, был запланирован мини-турнир для четырех игроков, которым предстояло выявить победителя по олимпийской системе. При этом впервые было правдиво сказано, что это – не какой-то там чемпионат мира, как до этого (да и после – тоже) вещали советским любителям бильярда, а так называемый «выставочный» неофициальный турнир. Из публикации читатели узнали, что иностранную делегацию возглавляет президент (на самом же деле – вице-президент) WPBSA [Марк Уайлдмэн](#) (Mark Wildman), с которым в Москву для участия в турнире по Кэнону приехали четыре игрока: 21-летний лидер мирового рейтинга и действующий чемпион мира англичанин [Майк Расселл](#) (Mike Russell), австралиец [Робби Фолдвари](#) (Robby Foldvari), англичанин [Йен Уильямсон](#) (Ian Williamson) и восходящая звезда Кэнона индиец [Гиит Сетхи](#) (Geet Sethi) –

впоследствии многократный чемпион мира. Конечно же, всех этих игроков в тот момент нельзя было причислять к сильнейшим профессиональным бильярдистам мира. И если к М.Расселлу в этом смысле вопросов нет, то Р.Фолдвари был девятым по мировому рейтингу, Й.Уильямсон – шестнадцатым, а Г.Сетхи вообще стал профессионалом совсем недавно – в 1989 году. Ну, и подчеркну еще раз – эта четверка ни в каком чемпионате мира в Москве не участвовала (если все же хотите убедиться в этом, попробуйте отыскать упоминания о таком чемпионате в [официальной статистике](#)). Наверно, сами иностранцы очень бы удивились, если бы им (как нам!) настойчиво внушали обратное. Хотя, ради прикола, они могли бы тогда потребовать немалые призовые, причитающиеся чемпиону мира, вице-чемпиону и

В бильярдном клубе «Русская Пирамида».
Слева направо: Р.Фолдвари, А.Старков, М.Уайлдмэн, М.Расселл, Г.Сетхи

полуфиналистам.

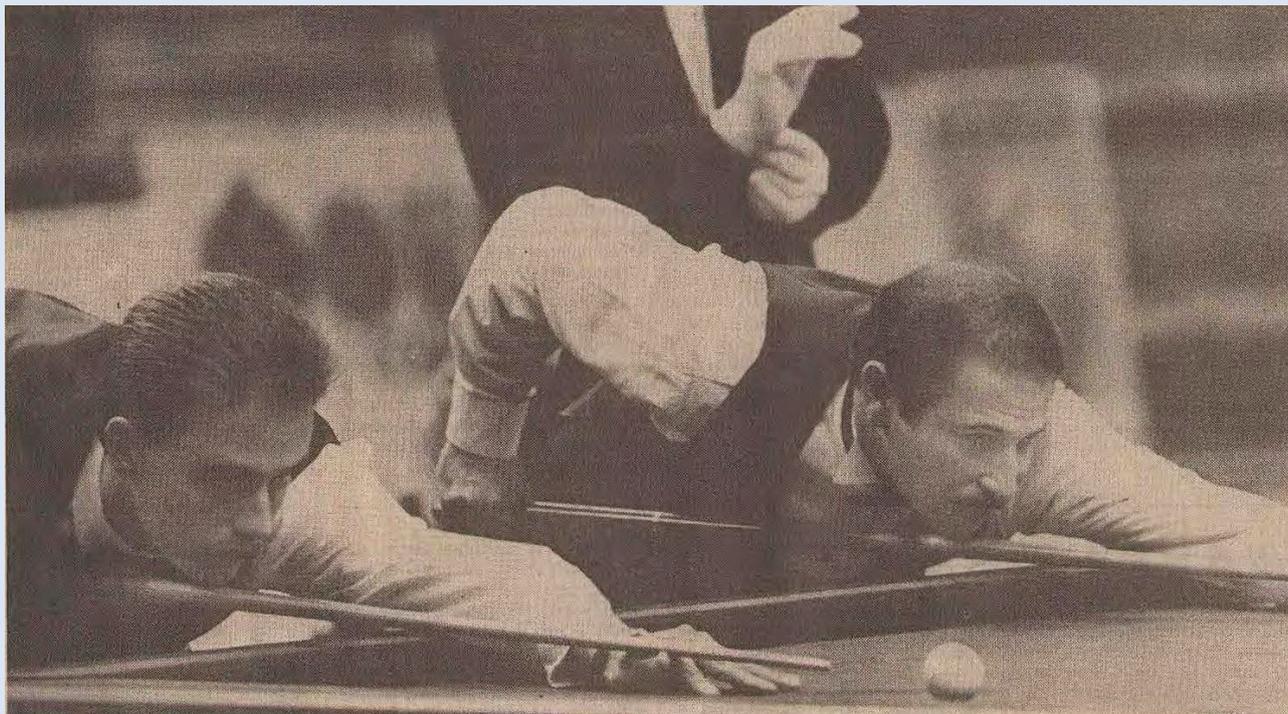
4 октября в газете «Вечерняя Москва» № 228 вышла еще одна заметка, посвященная предстоящим бильярдным турнирам. Она называлась «[Высший пилотаж](#)» – опять же с открытым намеком на «фестивальность» грядущего. Здесь можно было в стиле снова-здорово прочитать об уже завтра открывающемся «чемпионате мира» по Кэнону, а в качестве авторитетного подтверждения величия ожидаемых событий приводились слова А.Потикяна: «Это будет фантастический чемпионат»! И тут же, со ссылкой на Потикяна, высказывалась мертворожденная надежда – дескать, при должном внимании к развитию бильярда в нашей стране мы в ближайшее десятилетие сможем выйти на уровень лучших зарубежных мастеров. Но помимо этой лирики были сообщены и две важные детали. Во-первых, в Кэнон и Снукер предстояло играть на двух качественных профессиональных столах, привезенных иностранной делегацией из Англии. А во-вторых, после турнира по Кэнону должен был быть проведен первый (*и, знамо дело – открытый*) чемпионат СССР по Снукеру, а вовсе не анонсированный чемпионат мира по этой разновидности бильярда. Ну, слава Всевышнему, и в этом вопросе наконец-то удалось отойти от предыдущих лживых заявлений.

5 октября состоялось открытие череды турниров, и перед любителями бильярда предстали иностранные мастера Кэнона. Среди зрителей при этом были и наши игроки, ведь их участие в этой разновидности бильярда не планировалось. [В.Д.Кадышев](#) затем объяснил это тем, что подготовка советских спортсменов в Кэноне не представляла шансов на успех, а вот в Снукере они уже кое-что понимали и попробовали свои силы со специалистами в этой игре. Думаю, что это – какое-то кривоватое толкование. Действительно, подготовка наших игроков для игры в Кэнон была практически нулевой, но основная причина – не в том, что отсюда вытекали и нулевые шансы на успех. Дело в том, что Кэнон по своему «духу» очень сильно отличается от игр нашего отечественного бильярда: у нас огромное значение имеет оборонительная составляющая ведения игры, а в Кэноне нет никаких отыгрышей – там все заточено на построение крупных результативных серий. Такая «философия» Кэнона никак не могла быть близка нашим игрокам, воспитанным на совсем иной бильярдной закваске. Иными словами, Кэнон – ментально не наша игра. Конечно, советским мастерам было любопытно посмотреть и на такой бильярд, но не более того. Иное дело – Снукер, в котором, хоть и огромное значение имеет серийная атакующая игра, но значительна и доля оборонительных действий, одним из элементов которых является создание «замазанных» позиций. А вот надежды составить какую-то конкуренцию иностранцам в Снукере были основаны, в первую очередь, не на том, что наши игроки в нем «уже кое-что понимали», а на том, что приехавшие бильярдисты были доками именно в Кэноне, а в Снукере звезд не только не хватало, но и потенциально не могли достать до них.

Как указывалось выше, на турнире по Кэнону были сыграны всего лишь три матча – два полуфинала и игра за первое место. В одном из полуфиналов М.Расселл обыграл австралийца Р.Фолдвари, а в другом индеец Г.Сетхи взял верх над Й.Уильямсоном. Таким образом, затем состоялся англо-индийский финал, в котором Сетхи представилась возможность в «личной дуэли отомстить» британцу за долгие годы колонизации, унижения и разграбления Индии. Однако, в этот раз сделать этого не удалось – победил, как и следовало ожидать, действующий чемпион мира Расселл. Тем не менее, Сетхи «обид» не забыл и в дальнейшем трижды побеждал Расселла в финалах настоящих чемпионатов мира 1992, 1993 и 1998 гг. Эти встречи проходили в индийских городах Бомбей и Ахмедабад – может, одолеть британца индийцу помогали именно родные стены, которых не было в Москве?

Следующим турниром был *так называемый* первый (в истории) открытый чемпионат СССР по Снукеру – как показали дальнейшие события, он же оказался и последним. Слова «так называемый» я выделил выше не случайно – ведь если проводится чемпионат страны, то ему должен предшествовать какой-то отбор по спортивному принципу, и, во всяком случае, возможность участвовать в таком соревновании должна быть предоставлена широкому кругу желающих и, естественно, достойных того. Количество же советских участников было лимитировано числом собирающихся играть иностранцев, а состав был определен просто волевым решением. От Советского Союза были заявлены Ашот Потикян, Юрий Соснин, Рифат Садриев и Юрий Пантелеев. Иностранная же делегация, вполне предсказуемо, отряди-

ла играть в Снукер троих бильярдистов из тех, кто был рекрутирован для турнира по Кэнону: Расселла, Фолдвари и Уильямсона.

Майк Расселл (слева) и Робби Фолдвари

Однако выбор четвертого иностранного участника удивил – был заявлен некий нигериец [О.Оджио](#) (дополнительную информацию по которому я так и не смог разыскать). Действительно, странно, что к снукерному столу был призван этот самый Оджио, а не игравший в Кэнон Сетхи (между прочим, четырехкратный чемпион Индии по Снукеру в период с 1985 по 1988 год). И странно это не только из соображений готовности Сетхи сыграть в Снукер, но и в финансовом смысле, ведь наверняка иностранные мастера согласились поехать в далекую Москву не за здорово живешь – им заплатили за это звонкой монетой. Ну а платить еще и дополнительному «нахлебнику» – явно неразумно.

Таким образом, в снукерном турнире приняли участие восемь игроков, которым предстояло определить победителя в играх на выбывание. Четвертьфинальные пары устроители составили так, чтобы в них друг

Гиит Сетхи

другу противостояли наши и зарубежные спортсмены. С одной стороны, такое решение гарантировало каждому советскому игроку возможность сразиться с иностранцем, но с другой – вполне вероятен был такой исход первых четырех встреч, что далее в турнире наших игроков уже бы не осталось, и это не очень понравилось бы зрителям. Правда, существовала и возможность выхода всех наших спортсменов в полуфиналы, и, соответственно, при этом все зарубежные гости отправились бы курить бамбук. Но такое развитие событий можно было сразу отнести к разряду крайне маловероятных. И действительно, в своих встречах Садриев и Пантелеев спасовали перед Фолдвари и Уильямсоном. Но зато Соснин взял, да и обыграл Расселла, а Потикян одолел Оджио. И если победе Потикяна над нигерийцем не стоило особо удивляться (ну, Нигерию же никак нельзя отнести к ведущим снукерным державам), то результат встречи Соснина и Расселлом тянул на сенсацию. Чтобы объяснить произошедшее, кто-то даже мог выдвинуть версию, что на радостях от победы в Кэноне Расселл отведал излишнего количества крепких горячительных напитков, и это пагубно сказалось на его игре в Снукер на следующий день. Но это все – отговорки и оправдания «для бедных». На самом деле, победы наших игроков убедительно высветили невысокий, явно непрофессиональный (и, конечно, «нефестивальный») уровень игры в Снукер тех, кто приехал в Москву. Тот, кто разбирается в Снукере, знает, что в конце 80-х и начале 90-х годов самыми знаковыми фигурами были Стив Дэвис (Steve Davis) и Стивен Хенри (Stephen Hendry), а до их уровня игрокам, привезенным М.Уайлдмэном игрокам, было как до Луны, а скорее и значительно дальше. Тем не менее, в полуфиналах оставшиеся в турнире иностранцы сумели постоять за честь выбывших: Фолдвари поставил на место Соснина, а Уильямсон – Потикяна. В заключительной же встрече Робби Фолдвари вышел победителем и стал единственным и неповторимым чемпионом СССР по Снукеру.

Юрий Соснин

У стола – О.Оджио, на заднем плане – А.Потикян

Победитель и призеры турнира по Снукеру. Слева направо: Й.Уильямсон, Р.Фолдвари, А.Потикян, Ю.Соснин

Наконец, дело дошло и до третьего заявленного турнира, который в газетных объявлениях был «окрещён» как «Матч СССР – Великобритания по Русской Пирамиде». В уже упомянутых книгах его называют попроще – «Международный турнир по Русской Пирамиде». Но как это все не назови, мне вообще неизвестно – что же на самом деле происходило в этой части бильярдного «триптиха»? Во всяком случае, комментируя прошедшие турниры, все газеты (и впоследствии вышедшие в свет книги о бильярде) дружно умолчали об игре в Русскую Пирамиду. И лишь [в статье В.Д.Кадышева](#) имеется то, чего не вырубешь топором (и то, чего все другие не видели): «В турнире по «русской пирамиде» превосходство наших спортсменов было неоспоримым». Ну, оно и должно было быть не только неоспоримым, а просто подавляющим. Наши игроки легко могли бы свестись с иностранцами и просто «отобрать» у тех не только завоеванные ими в Кэноне и Снукере призы, но и все прочее. Однако, в нашей печати так и не оказалось не только ни строчки, но даже и ни пары слов о триумфе советских бильярдистов. Как это понимать? Думаю, что наши СМИ не упустили бы возможность повозить лицом по столу англосаксов, если бы она на самом деле была. Мне представляется, что никакого турнира по Русской Пирамиде так и не было проведено. Почему? Не знаю. Скорее всего, забугорные кудесники шара попробовали поиграться с нашими шарами, на наших столах, нашими киями, в нашу Игру и просто ретировались: дескать, это – не для нас, это – не настоящий бильярд. Ну а не деле – просто испугались. Отдельно подчеркну, что в историческом обзоре книги [«Мой любимый бильярд»](#) Д.М.Матвеев вообще не упоминает о «фестивале» 1990 года – это косвенно свидетельствует о том, что отечественному бильярду нечем было в этом смысле гордиться, а иными словами – о том, что турнира по Русской Пирамиде не проводилось. Если кто-то докажет обратное, я принесу извинения. Мне, конечно же, было бы крайне интересно узнать то, что по этому поводу могли бы рассказать очевидцы событий, о которых выше шла речь.

Надеюсь, читатель согласится с приведенными выше доводами о том, что международные турниры, прошедшие в начале октября 1990 года в Москве, совершенно несправедливо называть фестивалем бильярда. Скажу еще и несколько слов о позолоченном ярлыке профессионализма, который как-то прилип к обсуждаемым турнирам. Да, играть в Кэнон в Москву приехали именно профессионалы. Но вот в снукерном турнире профессиональностью даже и не пахло – все иностранцы могли похвастаться лишь своей принадлежностью к любительскому Снукеру, а о наших игроках и говорить нечего. А уж заявление о профессиональности международного матча по Русской Пирамиде – неуклюжая попытка представить черное белым.

Наконец, вернусь в самое начало – к названию этой статьи. Напомню, что там написано: «Лже-фестиваль бильярда 1990 года – авансовая почетная грамота новому Председателю ФБС СССР?» Формулируя этот заголовок, я хотел обозначить то, что целью поспешной организации трех взаимосвязанных международных турниров было, в первую очередь, не желание подарить истинный праздник советским любителям бильярда, а стремление козырнуть совсем недавно обретенной властью в ФБС: дескать, мы только встали у руля, а уже забабахали такой турнирище; а ты,

новый председатель, хоть от имени федерации еще толком ничего не сделал и ордена пока не заслужил, но держи авансом почетную грамоту – и так держать!